

Прежде чем вернуться в квартиру, Цугуми остановился в парке — там, где впервые встретил Сакутаро. Сидя на той же скамейке, где они когда-то ели сэндвичи, он смотрел на тусклую луну, висевшую в ночном небе.

«Мне нужно идти домой. Но меня никто не ждёт».

Эта мысль расслабила его, сделав вялым, будто натянутая струна. И правда — нет смысла торопиться, не так ли?

В поле зрения мелькнула трепетная белая лента — бабочка-капустница. Она плавно парила в ночном воздухе и мягко опустилась ему на плечо. Бабочки не должны летать ночью. Может, она решила отдохнуть на нём? Но не успел он подумать об этом, как она снова взмыла вверх, и её неуловимый полёт заставил Цугуми поводить глазами.

Он протянул палец, и бабочка, словно привлечённая невидимым нектаром, легко опустилась на него. Нежные взмахи крыльев будто рассыпали по коже незримую, пудровую элегантность. На мгновение природная красота бабочки развеяла напряжение в груди Цугуми.

Он слабо улыбнулся, но хруст шагов по гравию спугнул бабочку, заставив её улететь. Цугуми обернулся и увидел Сакутаро, стоящего в сгущающемся индиговом свете ночи.

- Извините, я увидел вас, когда проходил мимо. Ничего, если я присоединюсь?

- Да, конечно.

Сакутаро быстро пробормотал «Спасибо» и сел рядом.

- Как долго ты здесь? - спросил Цугуми.

- Некоторое время.

- Мог бы и сказать что-нибудь.

- Не хотел спугнуть бабочку.

- О... а с ней, впрочем, было довольно дружелюбно, правда?

Пока Цугуми говорил, Сакутаро медленно протянул руку.

- Что это?

- Ты плакал?

Цугуми моргнул.

- Остался след, - сказал Сакутаро, и его чистые пальцы легко провели от уголка глаза Цугуми вниз, по щеке.

- Просто что-то попало в глаз, - пробормотал Цугуми, опуская голову, чтобы скрыть неловкость.

- Наверное, было больно, раз ты заплакал, - просто сказал Сакутаро.

Между ними повисла тишина.

Наверное, было больно, если ты заплакал.

Словно ребёнок, который легко принимает всё как есть. Да, Цугуми почти захотелось согласиться вслух.

- Ты притягиваешь живые существа, не так ли? - вдруг спросил Сакутаро.

- Хм?

- Бабочка. И помнишь, как Муу-Муу к тебе раньше относился? У тебя какая-то аура.

- Думаю, это просто совпадение. Кстати, о Муу-Муу, как у него дела?

- Снова убежал, пришлось ловить. Эта кошка вечно норовит сбежать.

- Даже несмотря на то, что его так балуют?

- Возможно, для инстинкта такие вещи не важны. Как подросток, которого любят родители, но который всё равно угоняет мотоцикл и уезжает. Раньше я понимал такой бунт, а теперь думаю: «Не воруй чужое». Надеюсь, Муу-Муу когда-нибудь до этого доживёт.

Цугуми расхохотался.

- Сакутаро-сан, не ожидал, что ты знаешь такую старую песню. «Пятнадцатилетняя ночь», серьёзно?

- Сейчас это хит у менеджеров лет сорока-шестидесяти. Я много раз слышал на караоке-вечерах.

- Правда? О, это напомнило мне песню, которую пела покойная бабушка. Я был ребёнком, слов не помню, но, может, ты знаешь?

Напевая «ла-ла-ла», Цугуми наблюдал, как Сакутаро закрыл глаза и задумчиво скрестил руки.

- Есть идеи, из какой это эпохи?

- Ну, давай посмотрим... Тебе было лет десять, а бабушке тогда - восемьдесят. Так что, если бы она была жива, сейчас ей было бы сто пять. Значит, песня популярна в её молодости...

- Извини, это уже выше моего понимания.

Быстрый ответ рассмешил обоих. Чувствуя ностальгию, Цугуми продолжил напевать отрывок, хотя мелодия дрожала. Когда их взгляды встретились, Сакутаро задумчиво смотрел на него.

- Кажется, я понимаю, почему ты нравишься Муу-Муу и бабочке.

- Хм?

- Возле тебя... спокойно.

- С чего это?

- Знаешь, есть люди, с которыми чувствуешь себя непринуждённо, даже когда говоришь ни о чём? Кажется, я мог бы говорить с тобой вечно - или просто молчать, и всё равно было бы хорошо. Интересных людей много, но тот, с кем можно чувствовать покой даже без слов, - редкость.

Цугуми почувствовал, как горят щёки, и опустил голову, скрывая смущение.

- Э-э... спасибо. Мне тоже с тобой спокойно, Сакутаро-сан.

Это была правда. Рядом с Сакутаро Цугуми чувствовал себя чуть лучше. Прошло так много времени с тех пор, как он вёл такой же лёгкий, непринуждённый разговор, и тепло разливалось у него за переносицей. «Должно быть, я и правда изголодался по общению», - подумал он, дразня себя. Как жалко. Смущённо опустив глаза, он услышал, как Сакутаро заговорил снова.

- Говорят, плач помогает снять стресс.

Цугуми взглянул на него.

- Один психиатр говорил мне, что нет смысла заставлять себя сдерживаться. Все эти призывы всегда улыбаться, никогда не говорить плохого – смешно, если вдуматься. Ведь никто не создан для такой жизни.

Сакутаро говорил, глядя в ночь. Цугуми удивился, насколько тот, кажется, разбирается в этом, учитывая, что редко бывал у психиатров. Может, у него был друг, который лечился.

- Хотя, наверное, глубоко говорить это тому, кто зарабатывает на жизнь, описывая чувства.

- Это не глупость. Скорее... я пишу именно потому, что сам их не до конца понимаю.

По крайней мере, для него это было так. Цугуми проводил время, сочиняя истории, будто пытаюсь дотянуться до смутных, безымянных эмоций внутри. Каждый раз, когда ему казалось, что он нашёл ответ, всё через время рассыпалось, и приходилось собирать осколки и начинать заново. Иногда появлялся новый ответ, а иногда всё обращалось в прах. Именно тогда он чувствовал себя совершенно опустошённым.

- Смотри, уснула, – сказал Сакутаро, указывая в темноту.

На клумбе с азалиями, уже без цветов, свернулась калачиком маленькая белая фигурка – та самая бабочка-капустница, её крылья мягко сложились.

- Интересно, бабочки видят сны?

- Кто знает... Надеюсь, ей снится что-то хорошее.

Глаза Сакутаро сузились, выражение лица смягчилось, и Цугуми почувствовал, как в ответ успокаиваются и его собственные чувства.

- Я бы тоже хотел увидеть хороший сон... хоть раз, – пробормотал Цугуми, и искренняя мысль вырвалась раньше, чем он успел её остановить.

- Увидишь.

- Думаешь?

- Наверняка.

Сакутаро легко положил руку на руку Цугуми, лежавшую на скамейке. Он не сжал её, а просто нежно накрыл, дважды похлопав по тыльной стороне. Не нужно было сложных объяснений – рука Сакутаро была большой, тёплой и успокаивающей. «Людам нужно тепло других», – подумала Цугуми.

«Сейчас мне грустно, но, может быть, когда-нибудь я снова полюблю»

Он не знал, случится ли это, но был благодарен Сакутаро за то, что тот заставил его подумать о том, о чём вчера он даже не помышлял.

В тихом тёмном парке они сидели рядом, их руки мягко соприкасались на скамейке.

<http://bllate.org/book/12909/1133867>